

О ПОЛОЖЕНИИ КРЕСТЬЯН В ФЕОДАЛЬНОЙ ВОТЧИНЕ РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI в.

(К ВОПРОСУ О ПОСИЛЬЕ И ПОЖАЛОВАНИЯХ)

А. Г. МАНЬКОВ

Для исследования истории крестьянства во второй половине XVI в. дает ряд новых материалов комплекс еще не использованных в науке хозяйственных документов Краснохолмского Антониева монастыря¹. Эти документы освещают в первую очередь такие вопросы, как структура вотчинных повинностей крестьян и удельный вес барщины, мероприятия по распределению земли внутри вотчины и увеличению доходов вотчины, особенно в период хозяйственного упадка конца XVI в. и т. д. Краснохолмский Антониев монастырь основан в 1461 г. на р. Могоче и в более позднее время принадлежал Весьегонскому уезду, находясь в трех верстах от г. Красного Холма. Вотчина его в XVI в. была расположена на территории Бежецкого верха, в районе восточной границы Бежецкой пятины, и в 60-х годах насчитывала до 150 деревень². Основная масса деревень монастыря находилась в радиусе до 20 км от вотчины.

---

¹ ГАКО, ф. 186; «Материалы по истории крестьян в Русском государстве XVI века», сб. док., подготовлен к печати А. Г. Маньковым, ЛГУ, 1955 (далее «Материалы»).

² «Материалы», стр. 59.

Владения монастыря не входили в границы Новгородских пятин. Расположенная в центральной полосе государства территория Бежецкого верха в то же время не была охвачена писцовыми книгами центральных уездов государства. Таким образом, хозяйственные книги вотчины Краснохолмского монастыря³ приобретают значение пока единственного источника экономико-топографического описания этого района Русского государства XVI в.

I

Вся земля, находившаяся в распоряжении крестьян вотчины Краснохолмского монастыря, делилась на землю, принадлежавшую, по терминологии источника, «пашенным» или «тяглым» деревням и насчитывавшую в 1564 г. 208³/₄ вытей, и землю, принадлежавшую «оброчным» деревням, в составе всего 6³/₄ вытей. Обязанность крестьян пашенных деревень пахать на монастырь с выти по десятине заставляет предполагать наличие собственной монастырской запашки, по крайней мере в количестве, равном количеству вытей пашенных деревень⁴.

Организация вотчинного тягла строилась в соответствии с существующей системой прямого обложения в государстве. Земля, находившаяся в распоряжении крестьян, и наличный состав тягловцев вотчины распределялись по сохам, которые, в свою очередь, делились на выти. В 1560 г. в пяти сохах насчитывалось 135 деревень и 213³/₈ вытей⁵.

В 1564 г. пашенных деревень значилось 137, а вытей в них — 208³/₄. Кроме пашенных деревень, в вотчине было 12 деревень оброчных, сидевших на 6³/₄ вытях⁶. Вся территория вотчинных земель монастыря входила в одну волость как административную и податную единицу.

Состав и размер повинностей крестьян пашенных деревень за 1560—1564 гг. были следующими⁷.

ТАБЛИЦА 1

Виды повинностей	Состав повинностей	Размер повинности с выти
Оброчные денежные	оброк корм за плотников, мельников и кирпичников хлеб	9 алтын 3 деньги 1 алтын
Оброчные натуральные *	хмель ячмень яйца масло холст	1 осмина 1 четверть 50 штук 8 гривенок 1 холст („а не люб холст ино 5 денег“)
Барщинные	обработка монастырской земли	1 десятина

* В записи о размере повинностей с крестьян («Материалы», стр. 59) сбор хмеля, ячменя, яиц, масла и холста указан с десятины. Однако, исходя из общих количеств этих продуктов, указанных там же, следует признать, что в данном случае десятина равна выти; это дает нам право перевести расчет сбора оброка натурой с десятины на выть.

На крестьян пашенных деревень ложилась, видимо, и обязанность косить сено для монастыря на р. Рени⁸.

Для крестьян двенадцати оброчных деревень все виды повинностей заменялись единым денежным оброком («за все про все за пашню») в размере 18 руб. и 2 гривны (с выти — 2 руб. 70 коп.).

³ Сохранились хозяйственные книги и записи за 1560—1561, 1564—1565, 1575, 1586—1588, 1605—1606 гг.

⁴ Факт наличия собственной монастырской запашки в 1564—1565 гг. подтверждается записью в хлебной книге монастыря об «умолоте» «с монастырского поля» свыше 1500 четвертей овса, пшеницы и гороха. («Материалы», стр. 59).

⁵ Итог количества вытей в книге 1560 г. — 214⁷/₈ — не точен. («Материалы», стр. 13).

⁶ Там же, стр. 59.

⁷ См. приходные книги монастыря за 1560—1564 гг. («Материалы», стр. 9—17, 30—38, 45—52) и отрывок описи имущества за 1564/65 г. (там же, стр. 59). Размер «корма» высчитан на основе записи в тех же книгах случаев уплаты корма в Городецке.

⁸ См. приходную книгу 1565 г. (там же, стр. 45).

Помимо этих твердо установленных для данного времени повинностей существовали искони освященные обычаем подношения крестьян монастырю на праздники в форме «великоденских» и «покровских» «даровых денег». Сумма сбора каждого вида «даровых» денег составляла со всей вотчины около 2 руб.⁹

Точно такая же система организации податного бремени, с четким делением деревень на две неравные части (основную массу «тяглых» или «пашенных», обработавших барщину за папку и плативших оброк натурой, и незначительную часть оброчных, плативших денежный оброк) встречается и в ряде других вотчин XVI в.¹⁰ По четкости и полноте сведения о пашенных и оброчных деревнях в книгах Краснохолмского монастыря имеют значительные преимущества. С известной долей уверенности можно утверждать, что организация вотчинной податной системы, связанная с делением сел и деревень на пашенные и оброчные, при значительном преобладании первых, была явлением, общим для монастырских (а быть может, и не только монастырских) вотчин XVI в.

Относительно узкие рамки развития рынка в XVI в. бесспорно тормозили превращение продукта крестьянского труда в деньги. Этим, собственно, и объясняется, что основная категория эксплуатируемого населения вотчины — крестьяне пашенных деревень — выполняла свои повинности путем барщины и внесения оброка натурой и лишь в небольшой части в форме денежных платежей.

В дальнейшем, к началу XVII в., соотношение пашенных и оброчных деревень вотчины Краснохолмского монастыря существенно изменилось в пользу последних. Доля деревень, обложенных «большим оброком», к началу XVII в. заметно возросла.

Документы Краснохолмского монастыря позволяют поставить и в какой-то мере разрешить вопрос об удельном весе барщины и оброка в общей системе эксплуатации крестьян данной вотчины. Уже отношение числа пашенных деревень к числу оброчных (137 : 12) весьма показательно. Однако оно не дает и не может дать представления о действительном соотношении видов ренты. Некоторые расчеты на основе привлечения денежного эквивалента барщинных и натуральных повинностей дают возможность получить более точный ответ на поставленный вопрос. Дело в том, что монастырь в ряде случаев прибегал к замене повинностей отдельных пашенных деревень общей денежной суммой годового оброка в размере, близком к средней сумме платежа с одной выти оброчных деревень. Власти монастыря считали, следовательно, денежную сумму, приходящуюся на оброчную выть, эквивалентной всей массе повинностей, приходящихся на пашенную выть.

Удобнее всего при расчетах исходить из объема повинностей оброчных деревень. С выти, как указано выше, приходилось в 1564 г. 2 руб. 70 коп. Сборы в денежной форме с крестьян пашенных деревень с той же единицы обложения составляли 10 алт. 3 д. Вычитая эту сумму из суммы платежа крестьян оброчных деревень с каждой выти, получим 79 алт. 3 д., которые и представляют денежный эквивалент натуральных повинностей — барщины и оброка натурой. Как видим, эта доля весьма существенна, она составляет более $\frac{4}{5}$ суммы платежа оброчных деревень. Для установления доли собственно барщинных работ нужно таким же путем перевести на деньги платежи продуктами, приходившиеся на одну выть¹¹.

Определив общую стоимость натуральных платежей по указанной выше таблице 1 и прибавив сумму денежного платежа (10 алт. 3 д.), получим 25 алт. 4 д. Вычитая

⁹ Приходная книга 1564 г. («Материалы», стр. 27, 40, 41, 42).

¹⁰ Например, в вотчине Кирилло-Белозерского монастыря (см. Н. Никольский. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство, т. I, вып. II, СПб., 1910, стр. 56—57; ср. А. Х. Горфункель. Перестройка хозяйства Кирилло-Белозерского монастыря в связи с развитием товарно-денежных отношений в XVI в. «Ученые записки Карело-финского педагогического института», т. II, вып. V, 1956 (стр. 94—95). Сведения о селах пашенных и оброчных имеются в книгах Иосифо-Волоколамского монастыря. Характер обложения сел был различен. Однако данные этих книг неполны и отрывочны (см. Архив ЛОИИ, кн. Иосифо-Волоколамского монастыря, № 3, лл. 72—84; № 4, лл. 61—73 и др.).

¹¹ По книгам Краснохолмского монастыря такой перевод возможен только в отношении холста («а не люб холст, ино 5 денег»). К сожалению, цены ячменя, яиц и масла, входивших в состав оброка натурой, в приходных книгах монастыря за тот же

эту сумму из суммы платежа оброчных деревень, получим денежный эквивалент барщины в размере 64 алт. 2 д. с выти. Следовательно, доля барщины в Краснохолмском монастыре в два с лишним раза превышала долю всех видов оброка и составляла несколько более 70%. Эти расчеты на основе повинностей оброчных деревень вполне подтверждаются случаями замены денежным платежом всех видов повинностей крестьян некоторых пашенных деревень. Например, в декабре 1564 г. крестьяне д. Биберево, тянувшие с одной выти, «заплатили за пашню и за всякие подати за монастырские 3 рубли денег». Расчет, аналогичный сделанному выше, дает тот же результат — доля барщины превышает 70%. Другой пример. Крестьяне д. Червево, сидящие на $\frac{3}{4}$ выти «заплатили за пашню и за всякие подати» 2 руб. 50 коп. Результат тот же — доля барщины более 70%. По 3 руб. с выти платили и крестьяне Гушинских деревень¹². Подобные примеры можно умножить. Для нас важно, что вотчинные власти практиковали замену барщинных и натуральных повинностей единым денежным платежом и при этом в размерах, близких к средней сумме платежа оброчных деревень.

Итак, анализ структуры вотчинных повинностей крестьян Краснохолмского монастыря в 60-е годы XVI в. позволяет установить, что в их составе значительно преобладали натуральные повинности (рента трудом и рента продуктами), при этом доля барщины составляла не менее $\frac{2}{3}$ общей массы повинностей в вотчине. Это дает нам возможность конкретизировать, хотя бы применительно к данной территории, наши общие представления о значительном удельном весе барщины в Русском государстве XVI в.

II

В прямом отношении к вопросу о крестьянском землепользовании стоит практика отдачи участков земли крестьянам «на посилье». Таких отдач земли «на посилье» в приходных книгах изучаемой вотчины за 1560—1561 и 1564—1565 гг. зафиксировано 24 случая¹³. Обычный вид записи этого рода в книгах следующий: «Месяца того ж (июль 1561 г.— А. М.) в 22 день дан от монастыря на посилье жеребей земли шестую выть деревни Дорку Гаврилку Федотову сыну. А взято на том жеребью посилья в казну 3 рубли денег и посильная ему дана от монастыря с казенною печатью священническими руками»¹⁴.

Отдача земли на посилье сопровождалась, следовательно, взиманием определенной суммы посилья и выдачей посильной грамоты. (Указание на составление подобных грамот обнаружено пока лишь в книгах Краснохолмского монастыря). Самих посильных грамот в вотчинном архиве не сохранилось. Монастырь выдавал грамоты крестьянам, у которых, надо полагать, они и хранились, а у себя производил записи в книгах о их выдаче. Посильные грамоты оформлялись в строго определенном порядке: их давали от монастыря с «казенною печатью» и за «священническими руками».

Размеры отданных на посилье участков земли встречаются в двух измерениях: либо в долях деревни, где имеется подобный участок, т. е. в долях того вытного числа, которое падает на данную деревню, либо в долях (вытях) десятины той или иной деревни. Судя по оброчным книгам 1560 и 1564 г. размер участка земли, отдаваемой крестьянину на посилье (в тех случаях, которые поддаются определению) колеблется между $\frac{1}{3}$ и $\frac{1}{11}$ выти, при этом наиболее частой была доля в $\frac{1}{4}$ выти. Сопоставляя это с данными о размере крестьянского надела (жеребья) в вытях, содержащимися в дру-

---

год не указаны. Цену четверти ячменя мы приравниваем к цене четверти ржи, указания на продажную цену которой встречаются за 1564 г. (25 д. за четверть). По другим районам в 60-х годах цена ячменя часто совпадала с ценой ржи либо была близка к ней (см. А. Г. Маньков. Цены и их движение в Русском государстве XVI в., М.—Л., 1951, стр. 105—106). Цену хмеля, масла и яиц мы берем за соответствующие годы по ряду других мест центра России (1 осмина хмеля — 4 алт., 1 гривенка масла — 4 д., полсотни яиц — 5 д.) (там же, табл. 13 и 17).

¹² «Материалы», стр. 38, 49.

¹³ Там же, стр. 18, 20—21, 24, 25, 26, 27, 28, 39, 41, 43—44, 45.

¹⁴ Там же, стр. 20.

гих материалах вотчины Краснохолмского монастыря, в особенности в перепускной книге 80-х годов, можно заключить, что размер участка, отдаваемого на посилье, примерно равен обычному размеру крестьянского надела (жеребья). Не случайно поэтому в подавляющем числе записей о посилье указано, что на посилье дается «жеребей земли»¹⁵.

Все случаи выдачи «жеребья» земли «на посилье» связаны с деревнями, принадлежащими монастырю и, следовательно, служили операцией внутреннего передвижения той части вотчинного земельного фонда, которая находилась во владении крестьян. В 1560 г. в д. Жукове был дан на посилье жеребей земли, в отношении которого указано, что он «Борисовский»; в отношении жеребья земли, отданного на посилье в д. Дорку указано, что он «Окулова»; наконец, есть случаи, когда отдавались на посилье жеребья земли, переданные в монастырь их прежними владельцами — монастырскими же крестьянами в качестве вклада. Такие случаи были в д. Анинское и в д. Почечюиха¹⁶.

Раздача земли на посилье в Краснохолмской вотчине в 60-е годы была, следовательно, формой распределения случайно освободившихся земельных участков безотносительно к тому, давалась ли эта земля в виде самостоятельного жеребья крестьянину, не имеющему своего надела (что сопровождалось превращением такого крестьянина в самостоятельного дворовладельца) или в виде надбавки к основному наделу тем крестьянским семьям, в составе которых было несколько взрослых тягловцев¹⁷. Могло иметь место и складничество группы крестьян одной и той же деревни для обработки дополнительного жеребья земли¹⁸.

Следует отметить не установившуюся в источнике терминологию для изучаемого явления. Наряду с преобладающим по числу употреблений выражением «дан, отдан на посилье» (в отношении жеребья земли), в книгах встречается термин «продан» (в 7 случаях из 24), но с указанием о выдаче «посильной» (за исключением одного случая из семи). Например: «Месяца тово ж (январь 1564 г.— А. М.) в 25 день продана половина деревни Меглина Нестеру Иванову сыну. А взято у него в казну 40 алтын денег и посильная ему дана»¹⁹. Эта двойственность определения характера операции с землей имеет, как увидим ниже, некоторые основания.

Единственное исследование, в котором затронут вопрос о посилье, принадлежит А. И. Андрееву²⁰. Изучив поземельные акты Двинского края (отступные, они же посильные грамоты) А. И. Андреев сделал ряд ценных наблюдений. По смыслу отступных или посильных грамот Севера посилье — объект своего труда, приложения своих сил. В подавляющем большинстве случаев этим объектом приложения сил крестьянина был земельный участок. По мысли А. И. Андреева, посилье предполагает, что земля находится в оброчном держании и что с нее государю, как верховному собственнику земли, уплачивается оброк. Вместе с тем владение посильем носит условный характер. «С юридической точки зрения,— пишет А. И. Андреев,— владельцы посилья — неполные собственники данного объекта...»²¹. Это не исключало определенных прав распоряжения посильем вплоть до права «отступки» от него, т. е. совершения акта, формально близкого к продаже, непременным условием которого были выплата денежной суммы посилья лицом, «купившим» участок, и принятие им на себя податных обязанностей, связанных с владением этим участком. Не соглашаясь с указанным выше ограничением понятия посилья лишь рамками незначительной части оброчных земель Двинского

¹⁵ В перепускных книгах 1586—1588 и 1605—1606 гг. крестьянские наделы прямо названы жеребьями («Материалы», стр. 62—72, 80—87).

¹⁶ Там же, стр. 27, 28.

¹⁷ См. там же, стр. 20—21, 43, 43—44.

¹⁸ Там же, стр. 28, 44 (с. Черкасово и д. Навей). Наибольшее число случаев передачи земли на посилье приходится на апрель и июнь (по 8 случаев в каждом месяце). Очевидно монастырские власти стремились передать крестьянам освободившиеся за зиму жеребья ранней весной, перед началом весенних посевных работ (апрель), а участки, освободившиеся в весенне-летнее время, в июне, перед началом летне-осенних уборочных работ.

¹⁹ Там же, стр. 24, см. также стр. 25.

²⁰ А. И. Андреев. Отступные грамоты. (К истории крестьянского землевладения на севере в XVI в.). Пг., 1916.

²¹ Там же, стр. 19, 41—43.

края²², следует принять, однако, характеристику ряда сторон посилья, данную А. И. Андреевым.

Сходство некоторых сторон посилья Северного края с тем посильем, которое известно нам по вотчине Краснохолмского монастыря, — несомненно. Этимология самого слова бесспорно общая. И на Севере и в Краснохолмской вотчине жеребей земли как объект приложения сил крестьянина предоставлялся ему на условиях посилья. Размеры участка и количество труда, потребное для его эксплуатации, стояли в относительном соответствии с тем количеством сил, которым располагала крестьянская семья, становившаяся владельцем участка. Как на Двине, так и в Краснохолмской вотчине владелец жеребья земли не был его собственником. Таковым в отношении северных земель был великий князь или царь, а в нашем случае — монастырь.

Признание общности некоторых черт владения землей на условиях посилья в Двинском крае и Бежецком верхе не снимает вопроса о различии социальной сущности процессов, вызвавших появление крестьянских посильных на Севере и в вотчине Краснохолмского монастыря. Если в первом случае посильные раскрывают процесс мобилизации земельных владений крестьян, то во втором они служат средством привлечения феодалом необходимой ему рабочей силы. (Как частный случай, раздача участков земли на посилье могла быть для феодала средством мобилизации внутривотчинных излишков рабочей силы, имевшихся в отдельных крестьянских семьях сверх сил, потребных для обработки основного надела).

Владение землей на условиях посилья налагало на крестьян не только определенные обязанности податного характера в отношении собственника земли — монастыря и государства, но и давало крестьянину определенные права на участок: право «отступки» от земли в пользу другого крестьянина, право мены жеребьями («с докладу» монастырским властям, как это видно по перепускной книге 80-х годов) и право вклада участка в монастырь. Смысл последнего состоял в том, что крестьянин, фактически возвращая участок земли монастырю в форме вклада, лишался права на получение выплаченной им монастырю суммы посилья, а монастырь передавал этот участок другому крестьянину на тех же условиях выплаты посилья. Прибыль монастыря от данной операции состояла, следовательно, в получении двойной суммы посилья с одного и того же участка. Сама же денежная сумма посилья не стояла ни в какой связи с объемом и характером тяглых повинностей, выполняемых крестьянином. Более того, плата за участок, как правило, значительно превышала размер годового оброка с выти даже оброчных крестьян вотчины. Трудно также установить по нашим данным и какую-либо связь этой суммы с величиной участка. Следует подчеркнуть, что в записях о раздаче земли на посилье, идентичных по формуляру в подавляющем большинстве случаев, посильем именуется не сам участок земли (в отношении его сказано «дан на посилье»), а плата, взимаемая с крестьянина за предоставленный ему участок («...а взято у него посилья на том жеребью в казну», после чего следует денежная сумма). Вероятно размер оплаты получаемого крестьянином жеребья земли на посилье устанавливался с учетом «силы», т. е. платежеспособности крестьянина. Такой принцип давал возможность монастырю получать с зажиточных крестьян наибольшую сумму²³.

Посилье являлось дополнительным источником дохода для собственника земли, следовательно оно может быть расценено как одна из экономических функций феодальной собственности на землю. С другой стороны, такого рода сделка могла иметь место лишь при известной заинтересованности крестьянина: такая отдача носила некоторые черты купли-продажи, в результате чего крестьянин приобретал известные права владения участком, необходимые ему для развития его хозяйственной инициативы. Этим, видимо, и следует объяснить, что в ряде записей отдача жеребья земли на посилье именовалась «продажей». Однако, естественно, знака равенства между «продажей» земли на посилье и продажей ее в собственном смысле поставить нельзя. Подлинная

²² Точка зрения А. И. Андреева, что формула грамот «земля царева и великого князя, а моего владенья» может быть отнесена лишь к государевым оброчным землям, которые, по мнению А. И. Андреева, и составляют объект посилья, а не ко всему крестьянскому землевладению Севера, справедливо оспорена А. И. Копаневым (см. А. И. Копанев. Комментарий к судебнику 1589 г. «Судебники XV—XVI веков», М.—Л., 1952, стр. 533).

²³ Наше предположение не исключает возможного влияния на сумму посилья таких факторов, как качество участка, время заключения сделки и т. д.

продажа земли, связанная с отчуждением прав собственности в пользу купившего ее лица, юридически оформлялась актом иного характера — не посильной грамотой, а купчей²⁴. Власти монастыря отчетливо представляли разницу между отдачей земли на посилье и продажей ее с уступкой полных прав собственности, а потому предпочитали в большинстве случаев именовать сделку не «продажей», а «отдачей» и во всех случаях документально скреплять ее не купчей, а посильной грамотой.

Итак, посильная грамота фиксировала определенные нормы феодальной зависимости крестьянина, которые сводились к прикреплению его к земле. Поэтому мы с полным основанием можем рассматривать данный вид документа вотчинного делопроизводства как одну из разновидностей юридических актов крепостнического характера.

Разумеется такая «политика» феодала в земельном вопросе могла иметь успех лишь в обстановке подъема, либо, по меньшей мере, стабилизации феодальной экономики при относительно достаточном количестве крестьянских рук для обработки наличного массива удобных земель как в данной вотчине, так и, по крайней мере, в основных районах государства в целом. Только при таких обстоятельствах крестьянин мог быть заинтересован в получении земельного надела, либо прибавки к нему на условиях выплаты посилья.

Сущность посилья в том виде, как мы пытались ее раскрыть, вытекает из существа производственных отношений феодального общества, из принципа феодальной собственности на землю, как основы феодализма. Монастырь, будучи феодальным собственником земли, заинтересован в предоставлении ее крестьянам с тем, чтобы иметь возможность получать с них ренту. Крестьянину, обладающему орудиями производства, необходима не только земля, но и определенные условия владения ею для развития его хозяйственной инициативы, нужной для того, чтобы обеспечить потребный уровень производства прибавочного и необходимого продукта. Такие условия и создавала передача феодалом крестьянам жеребьев земли на посилье. Феодал определял при этом объем и форму эксплуатации крестьян и получал дополнительный источник дохода в виде посилья, а крестьянин приобретал возможность обработки участка на условии обложения тяглом «по силе», а также известные права распоряжения своим жеребьем. На идее посилья основан и принцип вытного оклада крестьянских хозяйств с его условностью и изменчивостью. Таким образом, посилье обеспечивало необходимый для поступательного хода развития феодального производства на данном этапе уровень экономической заинтересованности крестьянина.

III

Хозяйственное разорение 70—80-х годов XVI в., сказавшееся преимущественно в запустении северо-западных и центральных уездов государства, для территории Бежецкого верха имело те же последствия. Если в книгах вотчины Краснохолмского монастыря за 60-е годы мы не находим указаний на запустение обрабатываемой земли, то судя по описи имущества монастыря за 1575 г. на долю пустых вытей приходилось 57% общего их числа.

Итак, в середине 70-х годов более половины монастырской земли, обрабатываемой крестьянами, лежало «в пусе». Разорение коснулось вотчины в целом, и степень запустения отдельных ее частей (сох) была, примерно, равной.

Мы имеем возможность составить картину экономического положения вотчины с 60-х годов XVI в. до начала XVII в. Данные ряда книг 1564, 1575, 1586—1587 и 1605—1606 гг. по пашенным деревням всех пяти сох вотчины Краснохолмского монастыря сведены нами в таблицу 2 (см. стр. 144).

Таким образом, хозяйственный упадок вотчины, достигший наибольшей глубины в 80-х годах XVI в., сопровождался резким сокращением крестьянского населения вотчины.

Во второй половине 80-х годов XVI в. количество населенных деревень вотчины, по сравнению с 1564 г., сократилось более чем в два раза. Количество жилой пашни в вытном исчислении за то же время упало до 24%, т. е. сократилось в четыре раза. Последнее соотношение не означает равного ему сокращения площади возделываемой

²⁴ См. «Материалы», напр. стр. 25—26.

земли пашенных деревень. Как видно из перепускной книги 1586—1588 гг., именно в это время власти монастыря предприняли массовый пересмотр размеров вытного оклада с целью сокращения тягла. Этим объясняется, что величина жилой пашни в вытном исчислении сократилась к 1586—1587 гг. в значительно большей степени, нежели число жилых деревень. Но как бы то ни было, в резком падении вытного

ТАБЛИЦА 2

Годы	Количество деревень с населением				Количество жилой пашни в вытах			
	1564	1575	1586/87	1605/06	1564	1575	1586/87	1605/06
Всего	135	Сведений нет	56	66	212 ¹ / ₂	109	51 ¹ / ₁₀	47 ² / ₈
В % к 1564 г.	100		41	49	100	51	24	22

числа нашли свое выражение две стороны хозяйственного процесса: сокращение площадей обрабатываемой земли и падение крестьянской тяглоспособности; это вызывалось снижением экономического потенциала крестьянского хозяйства, его оскудением. В результате вотчина Краснохолмского монастыря в 80-е годы вступила в полосу глубокого экономического упадка. Наиболее радикальным выходом из него было бы привлечение со стороны на заброшенные участки новых тяглецов. Однако в обстановке запустения значительной части государственной территории привлечение новых крестьян было исключено. Пришлось прибегнуть к некоторым мероприятиям внутри самой вотчины.

Эти мероприятия нашли отражение в «Книгах перепускных крестьянских з жеребья на жеребей при никольском игумене Иакиме и при казначее при старце Иосифе 1586—1588 гг.»²⁵. Сущность их сводилась прежде всего к отказу от раздачи земли на посыле и к замене ее «пожалованием» заброшенных участков с освобождением крестьян от несения вотчинного и государственного тягла на срок от 1 до 4 лет. Во многих случаях «пожалование» сопровождалось уменьшением вытного оклада предоставляемого крестьянину жеребья²⁶.

Всего перепускная книга 1586—1588 гг. насчитывала 27 случаев предоставления крестьянам жеребьев земли на льготных условиях, из них в 19 случаях были понижены оклады (в 9 пожалованиях в 1¹/₂—3 раза), даны льготные сроки с освобождением от монастырских и государственных платежей и «заделья» на 1—4 года; в 8 случаях оклад не снижен, но предоставлен льготный срок для уплаты податей. В отдельных «пожалованиях» сроки уплаты «государских пошлин» и «монастырского оброка» были различными. Особенно щедры льготы при передаче крестьянам пустошей. Так, пустошь Рязанка, на которую порядились крестьяне Нехороший Клементьев и Третьяк Ермолин, была положена «в четверток» вместо прежнего оклада ⁹/₁₀ выти. А льгота «во государьском и монастырском заделье» была предоставлена на 5 лет²⁷. Не рассчитывая все же таким путем закрепить крестьян за наделом, монастырь скреплял эту сделку обычной в то время гарантией — порукой. Снижение оклада жеребья земли, на который поряжался посторонний для данной деревни крестьянин, влекло за собой снижение всего оклада деревни. Это и обеспечивало вхождение посторонних крестьян в состав тяглецов деревни на условиях круговой поруки. Власти монастыря не останавливались даже перед полным освобождением участков земли от тягла, когда крестьяне в прибавку

²⁵ «Материалы», стр. 62—72.

²⁶ Пересмотр оклада производился по челобитью крестьян и в отношении земель, не покинутых крестьянами. Так, в октябре 1586 г. «Игумен Иаким, поговоря з братьею, пожаловали никольских крестьян Истому Лопатина с товарищи, положили их деревню Григорово в полуде выти, и им государьския пошлины и монастырское заделье делати с полуде выти, а преже се о за ними та деревня была полуде выти с осьмою долею». Здесь оклад земельных участков крестьян д. Григорово уменьшен на ¹/₈ выти. Можно привести и другие подобные примеры (см. там же, стр. 62).

²⁷ Там же, стр. 63.

к своему жеребью брали для коллективной обработки чей-либо заброшенный жеребей. Так, в мае 1587 г. крестьянам деревни Котики был дан «пустырной жеребей истоминский десятую долю пашня пахати и сено косити во всю деревню бесплошленно»²⁸.

Перевод крестьян с жеребья на жеребей и переселение из одной деревни в другую были явлением нередким. Всякое подобное предоставление жеребья земли крестьянину понималось как акт пожалования со стороны монастырских властей, сопровождавшийся снижением тягла и предоставлением льготы на несколько лет, и как акт поряжения со стороны крестьянина, поскольку последний был обязан хозяйственным обзаведением участка в льготные годы²⁹. По истечении льготных лет крестьянин нес тягло наравне с другими тяглецами деревни.

Видимо, из соображений хозяйственной целесообразности монастырские власти отпускали отдельных крестьян с их жеребья. Иногда тот или иной жеребей сознательно оставлялся, а крестьянину давали на льготных условиях новый участок земли, обычно в другой деревне. Совершались операции по изъятию части надела от одного крестьянина с передачей ее другому. Производился раздел братьев, сидевших на общем наделе, с предоставлением одному из них самостоятельного жеребья на условиях временной льготы. Практиковалось предоставление пустошей и отдельных участков поля (ярь, паренина и т. д.) под посев хлебов из пятого снопа. Есть случаи перевода крестьян с большого оброка на пашню и на пашенный оброк. Но встречается и обратное: пустошь в д. Смычиха была пожалована на условиях уплаты ее владельцем большого оброка. Для скорейшего освоения запущенных земель игумен и братья сажали на землю монастырских слуг и ремесленников, предоставляя им льготы. Иногда оговаривался временный характер этого пожалования — до того момента, когда на данный участок порядится крестьянин. Так, перепускная книга 80-х годов раскрывает перед нами повседневную жизнь феодальной вотчины в тяжелых условиях хозяйственного упадка.

Как видим, обстановка в сравнении с 60-ми годами резко изменилась. Тогда крестьянин, будучи заинтересован в земельном наделе, охотно брал его на условиях уплаты феодалу определенной суммы посилья и ни о каких льготах при этом не было речи; в 80-е же годы для того, чтобы привлечь оставшихся в вотчине крестьян к земле и заинтересовать их экономически, монастырю пришлось прибегнуть к систематическому пожалованию льгот и снижению оклада³⁰. В проведении таких мероприятий Краснохолмский Антониев монастырь не был одинок. Внутрихозяйственные меры, принятые Краснохолмским монастырем с целью вывода вотчины из состояния хозяйственного упадка, находили применение и в других вотчинах подобного типа³¹.

Удалось ли Краснохолмскому монастырю вывести свое хозяйство из состояния упадка? К сожалению, за 90-е годы не сохранилось таких же книг, какие имеются за 60 и 80-е годы. На поставленный вопрос можно дать лишь косвенный ответ, пользуясь оброчной и перепускной книгами 1605—1606 гг.³².

На первый взгляд данные таблицы 2 говорят о дальнейшем упадке хозяйства вотчины. К началу XVII в. число жилой пашни в вытном исчислении в сравнении с 1586—1587 гг. снизилось еще более (47 вытей вместо 51), однако количество населенных деревень за то же время несколько возросло (66 вместо 56 в 1586—1587 гг.). Для полноты картины таблицу необходимо пополнить данными книги сбора большого

²⁸ «Материалы», стр. 67.

²⁹ В январе 1587 г. крестьянину д. Маслово Раменье Захарке Ильину был дан в деревне Хрепелеве «пустырек михалковской шестую долю и с рожью, которая в земле, а семена были никольские из житницы». Крестьянину была дана льгота в податях на 3 года, но оговорено условие: «А в те ему льготные лета поставити изба трех сажен, да клеть дву сажен с углом, да мыльна, да овин» (там же, стр. 63; см. также стр. 72).

³⁰ В обстановке 80-х годов пожалование настолько приняло характер системы, что вызвало составление специальных книг.

³¹ По решению игумена и соборных старцев Иосифо-Волоколамского монастыря в то же время (1586 г.) было сбавлено сошное письмо с крестьян Успенской (с $\frac{1}{2}$ до $\frac{1}{3}$ сохи) и Судниковской (с $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{4}$ сохи) волостей Волоколамской вотчины, Сбавленная часть была перенесена на кондратовских, шестаковских и ивановских крестьян «потому, что в тех волостях жилых вытей поплнее и крестьян по прожиточнее». (Архив ЛОИИ, Собрание рукописных книг, № 1029, лл. 1—2).

³² «Материалы», стр. 75—87.

и пашенного оброка. Оказывается, к началу XVII в. соотношение между двумя группами крестьян вотчины — пашенными и оброчными — существенно изменилось в пользу последней. Если в 1564 г. на большом оброке было всего 12 деревень, насчитывающих $6\frac{3}{4}$ выти, то в 1605 г. на большом оброке числилось 2 села с деревнями (количество их неизвестно) и 24 деревни, половина которых в XVI в. была в составе сошных пашенных деревень. Всего в оброчных селениях в начале XVII в. насчитывалось $27\frac{2}{3}$ выти³³. Приплюсовав эти данные к данным таблицы 2, содержащей сведения по основной группе пашенных деревень, мы получим значительное возрастание хозяйственных показателей вотчины в 1605—1606 гг.— как в отношении количества жилых деревень, так и числа вытей. Становится очевидным, что экономическое состояние вотчины Краснохолмского монастыря в 1605—1606 гг. (включая и ее крестьянское хозяйство) было заметно лучшим, чем в 1586—1587 гг. (хотя и продолжало значительно отставать от уровня 1564 г.). В этом нас убеждает и сличение перепускной книги 1605—1606 гг. с такой же книгой за 1586—1588 гг. При всем сходстве этих книг в их содержании имеются очень важные отличия. Книга 1605—1606 гг. регистрирует преимущественно случаи отдачи крестьянам по их челобитьям запустевших жеребьев земли. В отличие от 80-х годов вытный оклад предоставляемых крестьянам жеребьев остается неизменным, не понижается (за исключением 4 случаев из 20). Временное освобождение от уплаты податей с вновь полученного участка предоставляется как и прежде, но срок льготы во всех случаях без исключения снижается и равен периоду от нескольких месяцев до 1—2 лет. Возросло число безльготных предоставлений жеребьев. Эти случаи получения крестьянами земли по их челобитьям расценивались монастырскими властями как акт поряжения. Другими словами, заметно возросла тяга крестьян к земле, их заинтересованность в получении земли даже на условиях неизменного объема тягла.

При этом нельзя забывать, что 1605—1606 гг. предшествовали голодные 1601—1604 гг., послужившие причиной массовой убыли населения в центральных районах. Экономика вотчины Краснохолмского монастыря рассматриваемых лет бесспорно несет на себе печать голодного времени, чем и следует объяснить наличие значительного запустения земель. Но если все же, несмотря на это, общее состояние хозяйства вотчины в 1605—1606 гг. было лучшим, чем в 1586—1588 гг., то напрашивается вывод, что в годы до голода, т. е. как раз в 90-е годы XVI в., хозяйство вотчины, в том числе и крестьянское, находилось на еще более высоком уровне. Монастырские власти, стремясь изжить последствия хозяйственного разорения 70—80-х годов, добились перелома уже в 90-х годах в значительной мере путем использования хозяйственной заинтересованности крестьянина, когда в новой экономической обстановке 80-х годов XVI в. был осуществлен крутой поворот от системы раздачи освобождающейся земли на посилье к системе пожалования запустевших земель с предоставлением податных льгот на определенный срок.

³³ «Материалы», стр. 75—77 (подсчет автора).

